

Лисьяна
из апокалипсиса

18+

ТАТЬЯНА БЕЛОВА

Татьяна Белова

Письма из апокалипсиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69473875

SelfPub; 2024

Аннотация

Земля во власти аномалий. В надежде построить новый дом, человечество отправляет экспедицию на Марс, но связь с кораблём пропадает, примерно в это же время над озером Байкал неведомое и непознанное открывает дверь. Людям дарованы врата, но куда они ведут? Мир охвачен паникой. Вопрос уйти или остаться, ломает жизни. А учёные с помощью ИИ пытаются запомнить этот мир.

Татьяна Белова

Письма из апокалипсиса

Ира орёт в трубку, впрочем, Ира всегда орёт, можно было бы привыкнуть.

– Приезжай!

– Тьма, кто умер?

– Тьфу на тебя! Никто! Пожалуйста, приезжай!

Гудки на той стороне значат, что тебя не спросили, а поставили перед фактом.

Раз...два...три... Раз...два...три...

Самое сложное начать вспоминать.

Ира и Игорь затянули пояса и влезли в ипотеку. Теперь у них новая, огромная квартира. Пустая. Третьим живёт эхо. Спят на матрасе, едят на полу, но рай ведь в шалаше, правда?

Захожу, скидываю кроссовки, иду мыть руки.

Ира мельтешит перед глазами, сияет как медный таз, с кухни шлейф дивных ароматов домашней еды.

– Что празднуем? – спрашиваю. – Игорю выделили грант на его исследования? Какая-то муха точно тебя укусила, раз ты встала к плите, да ещё с утра пораньше.

– Сейчас четыре часа дня, милая.

– Говорю же – рань!

– Я беременна, – улыбаясь, отвечает Ира. – Это не шутка.

Я смотрю в пол и не знаю, сочувствовать ей или радо-

ваться. Ира в эйфории, которая делает важным только здесь и сейчас, бросается мне на шею, и приходится постараться, чтобы устоять на ногах. Она хоть и худая, но выше почти на голову, когда-то в до-полётном и до-прилётном, беззаботном детстве она занималась в секции баскетбола, где и познакомилась с Игорем.

Весь день Ира хаотично перемещается по квартире, то на подоконник присядет, то в шкафу начнёт рыться, то в сотый раз пересчитает тапочки, всем ли хватит. Ира пытается выглядеть уверенной и счастливой. Получается у неё плохо.

Часы идут, и я все чаще напряженно смотрю на дверь. С тех пор как мы последний раз собирались, почти два года прошло. Это было за неделю до вашего отлёта.

Настя с Федей разошлись, но оба клятвенно обещались быть. Надеюсь в этот раз обойдется без скандалов. Марина "выросла в цене" и чтобы дозвониться, пришлось перезнакомиться со всей армией её секретарей. Юля сказала, что придет, но только со своей новой девушкой. Ира закатила глаза, но смиренно кивнула.

Все они будут делать вид, что тебя нет и никогда не было в моей жизни. Думаю об этом и заранее злюсь.

К восьми приезжают первые гости и внимание Иры переключается на Федю, красивого, наглого и загорелого. Настя держится независимо, но ни от кого не ускользнуло, что приехали они все-таки вместе. Да и флаг им в руки. Любимые грабли, и хоть до девятого круга. Кажется, мир достаточно

сошёл с ума.

Вырвавшись из Ириных объятий, Федя врывается в кухню:

– Кого я вижу!

Эхо разбегается по углам. Штормовые басы бьются о стены и потолок как волны. Красивый и улыбается, зараза, так, что невозможно не улыбнуться в ответ.

– Теплее-теплее... Как жизнь, Кристи? – восклицает Федя и стискивает меня в объятиях, я на мгновение замираю, сдерживая внутренний протест.

Ты не войдёшь в эту дверь, можно расслабиться и обниматься с друзьями сколько угодно... Почему не получается?

Выскальзываю из его объятий, улыбаюсь и отхожу к окну. На улице темнеет. Часы уже показывают четверть девятого. В коридоре снова шум. Голоса.

Федя вдруг смущается, пожимает плечами и исчезает в полумраке прихожей, где толпятся наши знакомые тени.

Да, именно тени.

Половина девятого. Ты ведь знаешь, как я себя чувствую?

Со всеми перездоровалась, переобнималась, теперь хожу и раздаю бокалы, открываю бутылки с пивом, периодически отнимаю у Иры телефонную трубку, она так и норовит позвонить Игорю, который опаздывает.

—Глава семьи не опаздывает, глава семьи задерживается, – хохочет Федя, но улыбка его уже не столь ослепительна. Сквозь огромные окна без штор, отлично просматривается

болото до самого горизонта, колючая проволока, ветряки и прожектора, которые вот-вот погаснут. Темнота надвигается почти осязаемо.

—Ну и где? – спрашивает Марина и плюхается на матрас, нисколько не стесняясь короткой юбки. – Пить вообще сегодня будем? Игорь нас догонит.

Все смеются, Ира порхает отяжелевшей бабочкой. Прибавляет радио.

–Вы пока разливайте, мы с Кристи закуску принесём, – и тянет меня за рукав.

20.45.

– Где он?

Спрашиваю, хотя вижу, Ира и сама ничего не понимает, и отвечает растерянно:

– Должен быть дома уже. Он заканчивает в семь обычно. Связь вот-вот пропадёт. Свет погаснет.

Знаю, что это бесполезно, но пытаюсь отвлечь Иру и спрашиваю:

– Свечи на месте? Ты проверь, а я пока... салаты принесу.

Ира бежит пересчитывать свечи. Скрипит дверь кладовки.

Набираю номер. Жду. Звонок проходит, но очень медленно. Отчётливо тикают часы.

Краем уха ловлю волну радио:

– Здравствуйте! И мы снова вместе, 00 ФМ и «Письма из Апокалипсиса» приветствуют вас, сегодня мы услышим оче-

редную историю...

Гудки сменяются приятным мужским баритоном: "Вы позвонили на номер, который по просьбе клиента больше не обслуживается"

В недоумении смотрю на экран телефона.

Голос из динамика звучит громче.

– Меня зовут Игорь Савчук....мне 37 лет, я генетик, работаю в лаборатории...

Раздаётся крик, я вздрагиваю и телефон выпадает из рук.

– НЕТ! Ублюдок... Нет! Как ты мог... Нет! – кричит Ира.

Я вбегаю в комнату. Ира мешком валится на пол, захлёбываясь криком, у Насти в руках неожиданно лопается бокал.

Федя матерится и подрывается из кресла, в котором сидел. Юлия выключает радиоприёмник. Электронный звуковой сигнал сообщает о начале комендантского часа.

Свет гаснет. За окном вспыхивают прожектора.

Интересно, какая информация с Земли успела до вас дойти, прежде чем оборвалась связь? До Марса, по самым оптимистичным расчётам, вы добрались за восемь месяцев... Примерно в это же время над Байкалом, не отражаясь в воде, не оставляя даже ряби, повисло нечто. Сфера.

Вот они твои боги, малыш. Они здесь.

Страх быстро смывает культурный слой и наружу лезет зверь. Сначала, как любопытная обезьяна, человек обнюхал,

потрогал, постучал, потряс, а потом начал стрелять. Никто и не вспомнил про “Пятый элемент”, про то, что зло порождает зло. Страх был слеп и глух. Нет, сфера не выросла в размере, она осталась такой же прозрачной, как и изначально, но в ту ночь после обстрела на всей планете прервалась связь. Вся. И ни один учёный не смог объяснить как это случилось и что с этим делать. Прошло долгих восемнадцать часов паники, прежде чем всё вернулось. Само собой. Официально было заявлено о временной потере связи со спутниками и электромагнитном излучении, источник которого пока не обнаружен...

Больше не стреляли.

Сложно сделать шаг. Заставить себя двигаться. Назад.

Ветряки за окном смолкли и неестественная тишина давит. Ирины вопли сменились тихим поскуливанием. А мой ужас переходит в дрожь, я стискиваю зубы и сжимаю кулаки.

Федя укутывает Иру в плед, сажает на колени и баюкает. Марина помогает Насте перевязать руку и злобно косится на Федю. Юлия и девушка Аня, которая напоминает тень, достают и расстилают на полу одеяла и все на чём можно спать. Никто и не пытается обсуждать поступок Игоря. Не он первый, не он последний. Предпочесть мгновение прозрения неделям, месяцам, годам ожидания. Или же познать границу, самую крайнюю точку замерзания человеческой души

– разочарование. Он выбрал и ушёл. Ира осталась. Надо думать о живых, да? Представь, что это просто смерть и думай о живых, так ты мне сказал перед отлётом.

Шум. Шаги. Босыми ногами по ламинату. Плохо положили. Скрипит. Вслушиваюсь.

Сажусь. В углу у батареи Федя, Настя и... пустота. Оглядываюсь. Марина, Юля, Аня...

Стараясь никого не разбудить, встаю и выхожу из комнаты. В ванной свет.

Ира – красное пятно на белом кафеле. Немая сцена из дурацкого кино.

Она смотрит на свои изрезанные руки и смеётся.

Тихо–тихо, потом все громче, а после уже истерично и навзрыд. Дешёвое пластиковое лезвие летит в стену, она закрывает лицо руками.

– Не буду. Клянусь, больше никогда. Не хочу умирать.

Она хватается меня за ноги. Обнимает и плачет. Резким рывком пытаюсь поднять её, не выходит, тяжёлая, с третьей попытки встаёт сама. Включаю воду. Ира подставляет под кран руки, ванная становится красной.

– Нелепо получилось. Извини.

Умывается. Всхлипывает.

Не могу говорить. Не могу и все. Свело горло. Мыслей нет. Тщательно вытираю ей запястья и лицо полотенцем, она покорно стоит и смотрит на меня. Страшно смотрит. Обнимаю, прижимаю к себе. Плакать нельзя, мне – нельзя.

Утро.

Главное найти что-то с длинными, широкими рукавами.

Иркин шкаф напоминает вселенную в момент большого взрыва.

– Рубашку. Дай его синюю рубашку.

Ира стоит перед зеркалом и пытается заплести волосы.

– Уверена?

– Мне всегда нравились мужские рубашки, буду носить.

С кухни тянет фирменной Фединой яичницей с сыром.

Я встаю в дверном проёме. Ира быстро стягивает свитер и надевает рубашку.

Делать вид, что ничего не произошло. Застёгивает пуговицы, руки дрожат. Спрашиваю:

– Тебе сегодня в больницу надо?

Бледное отражение в зеркале мотает головой.

Завтракаем в напряжённом молчании. За окном стучит дождь. Весна в этом году поздняя и мокрая. Небо все время затянуто облаками, а по ночам не видно звёзд. Обсерватория опять жаловалась, что график срывается, синоптики разводят руками, город не разводит мосты.

И все вроде обыденно и привычно.

Но.

Едим стоя, кроме раковины и плиты в кухне ничего нет.

Марина ставит пустую тарелку на стол и одёргивает пиджак.

– Ира, если что нужно, обращайся, – натянуто улыбает-

ся. – Мне пора на работу, девочки. И мальчики.

И уже из прихожей:

– А насчёт ипотеки не волнуйся, я сегодня же позвоню в банк. Проблем не будет.

Ира темнеет лицом. Сжимает вилку. Взгляд застревает на одной точке.

– Мне ничего от тебя не надо, Марина. И звонить никому не надо. Я здесь жить не собираюсь и эта квартира мне больше не нужна.

Нервный смешок. Марина возвращается и зачем-то пытается Иру обнять:

– Ну что ты такое говоришь? Тебе же некуда идти. Я хочу...

Ира вырывается и разбивает тарелку об пол, осколки разлетаются по пустым углам.

—Засунь себе своё «я» знаешь куда! И сама иди туда же! Мне не нужны твои грязные деньги.

– Ира! – немного стыдливо восклицает Федя. Руки в карманах, глаза в углу.

– И ты пошёл к черту! Все вы идите к черту! – кричит Ира. – Одна с этими божественными замашками, другой со своей фальшивой заботой! Вон!

Ира порывом солнечного ветра проносится по коридору, распахивает входную дверь.

– Вон!

Жар опалает лица всех присутствующих. В оглушающей

тишине раздаётся детский голос.

– Тётя Ира, здравствуйте!

Выхожу в коридор. На лестничной площадке стоит десятилетний Юра, с совершенно лысой головой, и прижимает к груди плюшевую игрушку.

Ира хватается Марину за её дорогой, красивый пиджак и подтаскивает к двери.

– Вот, смотри! Хочешь помочь? Ему помощи! – и смотрит ей в лицо. Марина выходит из ступора, отталкивает Иру, хватается сумку, вся красная выбегает из квартиры, шарахаясь от Юры, как от чумного. Игнорируя лифт, кидается вниз по лестнице. Ира даже вслед ей не смотрит.

– Здравствуй, Юра. Извини. Проходи. Хочешь чаю?

На лице мальчика отражается такая буря чувств, что я поддаюсь вперёд.

– Тётя Ира! А мы полетим на большую-большую звезду!

Всё внутри сматывается в тугой ком. Сердце разгорается как сверхновая.

Ира присаживается на корточки перед мальчиком.

– Юра...

На лестничной площадке появляется пожилая женщина.

– Валентина Петровна! – кидается в ней Ира, но соседка не желает слушать, хватается мальчика за руку и тащит вниз по лестнице. Тот растерянно упирается и оглядывается на Иру.

– ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА! – кричит Ира.

– Не лезьте в нашу жизнь, Ирочка! Мы все решили!

Хлопает дверь подъезда.

Ира поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Мне кажется, что я горю.

Марина работает в фармакологической компании, которая производит лекарство от рака, оно стоит неподъёмных денег, а по статистике, после того, как мир сошёл с ума, а это случилось за пять лет до появления пирамиды, каждый второй ребёнок рождается больным. Статистика дело ненадёжное, но Ира работает в больнице и видит таких детей постоянно.

Когда в новостях впервые передали про неопознанный летающий объект, зависший над Байкалом, Ира долго смеялась, потом плакала, а потом с надеждой спросила меня:

– Может они прилетели помочь?

Я не знала, что ей ответить.

Профессор Ильтман, заведующий нашей обсерваторией, тоже искренне верил, что чужой разум хочет нам помочь. Ещё тогда, на первых стадиях, я спросила его: зачем? Зачем им нам помогать? И зачем приписывать иной эволюционной модели человеческие качества?

Он не ответил, но она знала ответ, мир вокруг расходилась по швам, и ему надо было во что-то верить.

Я пытаюсь и не могу вспомнить, как мы познакомились? Когда?

Тренировочный лагерь, трава по пояс, кожа чёрная от загара, один лоб белый под банданой. В стеклянном аквариуме три сотни потеющих тел.

Мы постоянно встречались в коридоре на пути в столовую. У дверей всегда была пробка, девушка с мелким бесом рыжих волос раздавала при входе религиозные брошюры, я брала, но выбрасывала в урну, прямо тут же, а тебе она никогда не предлагала, даже не смотрела на тебя. Почему?

Сектанты обедали вместе с нами. Потерпите, говорил нам профессор Керимов, это просто политика и деньги, не обращайтесь на них внимания. Цветастые одеяния в пол, одинаковые стриженные головы, они были чем-то похожи на буддистов, если бы не татуировки на выбритых висках. Штрих код. Технологии проникли в самую суть. “Буддисты” это один из тысячи экспериментов по копированию личности и сознания, переместить память из живого мозга в цифровой. С помощью воспоминаний учёные обучали нейросети и пытались заставить ИИ “вспомнить” историю мира. Мы смотрели на них, как на одержимых прошлым сектантов и верили, что Марс станет нашим будущим, новым домом для человечества.

На последнем, финальном круге, я провалилась.

Бог просто взял и выдернул табуретку. Смешно, да? Мне сказали, это была перегоревшая лампочка в туалете, которую я полезла менять. Не помню, что случилось, может, током

ударило? Никто не мог рассказать, очевидцев не было. Да и кроме тебя ко мне в больницу так никто и не пришёл. Четыре месяца вопросов без ответов, до тех пор пока они не потеряли смысл. В выписке размытый, нечитаемый диагноз. Вещи из лагеря переслали почтой. Много позже, когда выматывающее ожидание осталось позади, и я до одури накуривалась на одном из балконов для провожающих, ко мне подошёл Керимов. Профессор не тратил время на пустые, вежливые слова, и был краток:

– Расходный материал. Пройдёт ещё два года и снова полетят. Выхода нет. И кстати, для тебя есть работа.

Поднимаю руку, провожу по правой, выбритой стороне головы. Это все ещё выглядит как татуировка со штрих-кодом. Тогда, в самом начале, Керимов пытался что-то объяснить мне, рисовал схемы, стрелки, круги, даже уравнения писал. Он не был похож на отчаянного сектанта. Я кивала и быстро подписывала бумаги, одну за другой, не читая. Он понял и замолчал, поджал губы, утёр бороду салфеткой и бросил её в тарелку. Мы сидели на летней веранде какого-то кафе. На дне чашки плавали листья зелёного чая. Подписав, я вручила ему свою жизнь и он, не глядя, убрал её в портфель. Мы ещё некоторое время сидели молча, потом он положил передо мной визитку с адресом, кивнул и ушёл. Я смотрела ему вслед и думала, что пока по земле ходят люди, которые стригут бороду, пьют зелёный чай и повязывают галстук, ко-

нец света не наступит.

Они побрили мне голову, написали номер и меня не стало, я превратилась в набор цифр, а ещё в боль и страх.

От виска за ухо, по сонной артерии контур спускается до ключицы, потом сеткой опутывает грудь. Ставят капельницу, ты погружаешься в огромный резервуар с водой, жадно глотаешь воздух, страх заставляет дышать часто, надевают маску, закрываешь глаза. Все становится бесформенным и вязким, все твёрдые предметы растекаются, растворяются. Вокруг невесомость, вода плещется, заполняет ушную раковину... глубже, ещё глубже... Ты просто проводник. Ты ничего не можешь. Ты отдаёшь им своё тело. Они заставляют тебя смотреть, как гибнут люди, восхищаться тем, как возводятся величайшие из памятников человеческой культуры, которые скоро ничего не будут стоять.

Ты просыпаешься опустошённой. Вода выжимает внутренности досуха. Ты идёшь по мокрой улице в пять утра и звенишь на ветру, даже солнце, которое местами пробивается сквозь вату, не может до тебя дотянуться. Мир в этот час черно-белый. А потом вдруг находишь себя на пороге маленькой бетонной ячейки, на высоте двадцати этажей. Застигнутая тяжестью и мгновенностью памяти, ты стоишь и смотришь на свой город.

Люди все ещё где-то там.

Ты помнишь, но не чувствуешь.

Ни-че-го!

Просыпаюсь. Память течёт по вискам, по спине, тяжело дышать, в груди стучит, стучит, стучит: выпусти меня отсюда! Я не могу больше молчать!

Спускаю ноги на холодный паркет. Часы идут.

Те, ради кого стоит жить, в пять утра ещё спят.

Ира обычно просыпается в семь. Растрёпанная, сонная, она ходит по квартире босиком, как и ты, переступая по шахматным клеткам. От бессистемности жизни к симметрии линий. Я часто делаю вид, что сплю. Когда люди думают, что их никто не видит, они ведут себя естественней. Мне нравится наблюдать и не замечать разницы, Ира всегда Ира, она ходит по кухне с зубной щёткой во рту, одновременно ставя чайник, доставая хлеб, масло, яйца; смешно пытается не шуметь, но в какой-то момент с полки стихийно срывается какая-нибудь кружка/миска/крышка, грохот поглощает искреннее «ой!» и на меня виновато смотрят два серо-голубых глаза, щётка перемещается как часовая стрелка справа налево. Никогда не извиняясь вслух, Ира улыбается и прячется в холодильник:

– Яйцо куриное, две штуки, будешь?

Она выше нашего холодильника и вынуждена склоняться к его белым недрам как к мощам умирающего святого, он всегда сух, холоден, бледен, и чаще всего пуст.

– Надо бы в магазин, – говорит она. Отходит, сплёвывает в раковину зубную пасту. Ванная комната косится черным

провалом и серыми бетонными лёгкими. Всё застывает и я вижу твой силуэт на табуретке, с валиком, в расплывшихся пятнах голубой краски. Стекланную дверь я всё-таки купила, она стоит как памятник в коридоре, в коробке, заставляя себя обходить...

Ира.

Она переехала ко мне три недели назад, после того как её соседи, оставив всё ради мнимого спасения своего ребёнка, шагнули в Бермудский треугольник портала, прикрепив к её двери записку, очень лаконичную – не дай вам бог детей. Тем вечером Ира разбила радиоприёмник, и всю ночь проплакала. Сидя на балконе с видом на поле и ветряки, я скурила три пачки. Мы не сказали друг другу ни слова. Ты же знаешь, я совсем не умею утешать. Утром она рано собралась и, ничего не объясняя, уехала, оставив меня метаться по квартире, в мутной вязи сигаретного дыма. Я с трудом признавалась себе, что мне страшно и ни разу не набрала её номер.

Ира вернулась в 16.00 и не раздеваясь, стала собирать вещи. Стоя ко мне спиной и лицом к зеркалу, вдруг спросила: – Кристи, у тебя же нет балкона? Можешь не курить так много?

Меня затрясло. Прислонилась к стене, нащупала в кармане пачку, достала, оставалась одна сигарета:

– Последняя, – не поднимая глаз, я трусливо сбежала на балкон.

Теперь они живут у меня.

Ты же понимаешь, да? Но я справлюсь.

Пирамида, или Бермудский треугольник, так его иногда называют журналисты, висит очень низко над водой, совсем рядом с берегом, отбрасывая тяжёлую свинцовую тень на скалы и песок. У самого края воды дрожит воздух, как в раскалённой пустыне. Идеальный сюжет для сериала “Звёздные врата”. На закате, в этом мареве видна воронка, а там, за ней, отчётливо проглядывается другая земля, город, зелень... Много ли надо человеку, чтоб увидеть в этом божье знамение, день страшного суда и обещанный рай? Первыми туда шагнули сумасшедшие сектанты, прорвались через ограждения, солдаты от неожиданности даже стрелять по ним не стали. Ни один не вернулся. Ни живым, ни мёртвым. Остановить повальное сумасшествие людей не получилось, следующими, как ты понимаешь, стали учёные, пытались послать технику, но связь прерывалась на второй секунде, сейчас же каждый желающий добровольно войти в воронку, приравнивается к герою... Перед уходом, все они дают интервью радиостанции. Последнее слово...

Я не верю в рай, я не верю в ад, но многие из ушедших превратили жизнь оставшихся здесь близких в кошмар наяву.

Скажи мне, как это называется?

Посмотри, какая луна? Ты видишь? Или её красота обре-

тает смысл, только если смотреть с земли? Мне всё ещё важно, на что ты смотришь, как видишь и что для тебя красиво.

Я упорно продолжаю держать тебя в каждой запятой и в каждой вещи.

Жизнь пуста настолько, насколько мы позволяем себе. Ничто и никто не может вытеснить тебя, занять твоё место, потому что я осознанно цепляюсь за наше «было».

Шесть утра. Лежу и пытаюсь вспомнить твой голос. Представляю себе уже нашу, но ещё пустую квартиру, ловлю в ней солнечных зайчиков; мы сидим на полу, плед, карта города, термос с кофе, ты хмуришься и водишь пальцем по кольцевой.

Голоса нет, всё немо и размыто, силуэты и тени; больше не слышу.

Мир вокруг рушится, иллюзии не в силах защитить, заглушить реальность, она всё настойчивее ломится в меня. Нас нет, и я пишу эти письма скорее себе, чем тебе.

Ира, наконец, сорвалась, все набело оштукатуренные стены посыпались.

Прихожу вечером – сжигает фотографии, сидит на бетонном грязном полу в ванной, а перед ней полыхает пламя в алюминиевом тазу. Вся зареванная, сидит и раскачивается как маятник туда-сюда. Сажусь рядом, беру за руку. Она отдёргивает рукав:

– Не резала, – смотрит в глаза и вопрошает. – Как он мог? Семь лет...! Семь лет...! Оказалось чужие люди! Съездила сегодня к нему на работу и знаешь что? Его три месяца как уволили, гранд на исследования не дали, денег нет, проект закрыли, их разогнали. А он мне три месяца ни слова. Уходил и приходил, как всегда. Почему? Будто НАС нет, понимаешь? Будто он со всем миром один на один.

Она снова заплакала, а я разозлилась.

Герои! С гордо поднятой головой! Бегут, как крысы с тонущего корабля, да только в капитанской форме. Самоубийцы и те честнее. А эти... будто ТАМ им все грехи отпустят и будут они чистенькие, но от себя-то куда? Ну, перейдёшь ты эту границу, останешься жив и что? Всё заново? С чистого листа? Нет никакого чистого листа, есть жизнь, она у всех одна, ты приходишь и уходишь, как всё во вселенной.

– Как ты? – всхлипывает Ира. – То есть...ты как это пережила?

– Не уверена, что пережила.

Ира подтягивает колени к груди, съёживается и становится похожа на соседскую собаку, золотистого ретривера Стёпу. Его хозяин тоже ушёл ТУДА, но в рай видимо не берут собак и Стёпа четверо суток выл под дверью подъезда, где его оставили в надежде на человеческую доброту. Добрые люди взяли, а через полгода пёс умер. Верность это страшно, зато честно. Навсегда так навсегда. Вот и я как это ретривер. Хотя... На твоём месте я бы тоже улетела. Мы оба верили

тогда, что это наш долг. Проложить путь. Сделать первый шаг к колонизации Марса. Теперь от этого костра остался только дым. Люди сидят, и ждут и ожидание сводит с ума. Кто послабее, уходит ТУДА. Сама планета восстала против человека, а бежать некуда, где бы ты дом не построил, если земля из-под него уходит, что ты будешь делать? Выживать не равно жить. Вот вчера опять, в автобусе мужика скрутило, всё вокруг в момент стало белым, как снег, люди врассыпную, стою и смотрю, как стекло трескается. Все мы теперь, как сталкеры, и земля не наша. Земля чужая.

Ира отводит взгляд, плачет. В тазу вяло догорают остатки прошлой жизни.

– Каждый день, приходя в больницу, я вижу их... слепых, глухих, прокажённых, сумасшедших; один вот порезался бритвой утром, а к вечеру у него пол-лица потрескалось, кожа побелела, омертвела и сыплется хлопьями, жена испугалась, детей забрала и уехала к матери, он с горя напился, да так что ели откачали... И всё орал: «Зачем? Зачем? Почему не дали умереть по-человечески!» И ведь прав. Меня врач долго уговаривал, фотографии показывал, умные слова говорил, но как решиться убить собственного ребёнка?

Я поднимаюсь, иду в комнату, достаю из холодильника, бог помнит, кем и когда подаренную бутылку виски, беру стаканы и возвращаюсь в серую бетонную коробку.

– Терять нечего.

Ира улыбается, выхватывает бутылку из моих рук:

– Я открою, а ты подбрось ещё, пусть горит!

Сосед вчера умер. Попал под трамвай. Скрутило в приступе эпилепсии, он упал, затрясся, а люди шли и шли мимо, и всё быстрее шли, чтоб только ни видеть, ни прикасаться. Не дай бог... Его чуть отпустило, он встал, пошёл и споткнулся на рельсах... И тут трамвай, будто призрак, водитель спешил до девяти в парк.

Люди шли и шли себе мимо.

До девяти домой надо успеть.

Комендантский час.

Скажи, что это не апокалипсис?

Две сердобольные старушки на лестнице обсуждали, так же как цены на хлеб и всё приговаривали: «А дальше-то что? Дальше-то, как? Ужас!»

Стою в коридоре, одеваюсь, собираюсь в обсерваторию и никак не могу понять, зачем мне туда? По привычке. Бумажки перебирать. Там уже больше ничего не ищут, на небо не смотрят, всё больше под ноги. Ну там ни порезаться, ни обжечься, лишний раз соседу в глаза не посмотреть. Сплетничать и то перестали, раньше вот как эти, на лестнице: а вот эти... а вот те... а вот там... и по накатанной. Теперь даже смерть дело будничное. Петров вчера, Игнатъев в воскресенье, Инна Михайловна больше не придёт... А Селезнёвы всей семьёй ТУДА. Громов вот тоже на Байкал ездил, смотреть эту штуку, говорит, как пирамида Хеопса только переливается, словно кто бензину подлил и фонариком подсве-

чивает изнутри. А вода, мол, в озере такая чистая, там гринписовцы всё заполонили, с палаткой приткнуться некуда, всё чего-то замеряют.

Телевизор включить невозможно. Все куда-то идут. Кто молиться, кто плакать. Великий путь просто. Одни жгут города, другие уходят в пустыни, третьи ковчег строят, и рясы, рясы, рясы... Бог нынче в моде, в него не верят, но зато можно просить о чём угодно и все просят. Просьба, как оправдание всему: собственному бессилию, полыхающей чуме. Храмы громят, жгут, но просят. Вот тут показали, восемь человек отравились газом, лежат каждый в позе эмбриона, прижав икону к груди, с улыбкой уходили. А на бумажке написано – уходим в лучший из миров.

Сидим вечером с Ирой, в шашки играем.

Она – укутавшись пледом, подперев голову рукой, с загадочной улыбкой, которой могла бы позавидовать и Мона Лиза, я – перебирая звенья цепочки, крестик так и весит на груди. Ира вдруг спрашивает:

– Веришь?

– По привычке. Как и всё. А если и верить, то не в серебро.

А возвращаться домой с пустыми руками теперь нельзя, но я никогда не спрашиваю, чего она хочет сегодня, а играю в «угадай», вот и тащу на себе и селёдку, и мандарины.

По работе сегодня блуждаю весь день в северных районах, 633 подписи под размытым лозунгом: Небо для всех!

После прилёта неожиданных гостей, частным лицам запрещено иметь телескопы и смотреть на звёзды. Самым полезным из всего этого оказывается «стихийный рынок», где удаётся купить ананасы и квашеную капусту, искренняя благодарность на морщинистом старческом лице – открытие, меркнет восставшее из небытия средневековье вокруг, будто я, как Галилей, впервые вижу кольца Сатурна.

– Храни тебя бог!

Голос уже совсем растаял, как утренний иней, но спускаюсь в метро, думаю о том, что бог для того и придуман, чтобы хранить тех, кого мы не можем.

Пахнет курицей и жареной картошкой, сглатываю слюну.

Ира суется, путается под ногами, приходящая безраздельно принадлежит купленной, но ненужной двери. Упакованное в картон прошлое.

– Я полы помыла. Убралась тут чуть-чуть, ты не против... Там стопка старых газет, не знаю, можно ли выбросить?

Отдаю ей пакет.

– Завтра сама выброшу.

И ведь выброшу, пойду и отнесу на помойку целый год нашей жизни.

Захожу в ванную, умываюсь, треснутое зеркало дробит мятое лицо на неравные части.

Ира вырастает в проёме, виновато поджимает губы.

– Зеркало разбила.

– Бей что хочешь, – улыбаюсь. – На днях мастера вызову,

надо дверь повесить.

—Ага-ага, и душ бы очень пригодился.

На полу укоризненно подтекает шланг, вода стекает в чёрную дыру, безжизненная, серая, полупрозрачная полиэтиленовая штора; всё в квартире проходное, походное, временное.

– Значит, завтра мы пойдём искать душевую кабину. Ты была у врача?

Ира кивает, уходит в комнату и оттуда кричит:

– Давай ужинать!

Гремит вилками, ставит тарелки. На столе скатерть и в салфетнице уютные салфетки. Это что-то из детства, бабушка никогда не садилась за непокрытый стол. В комнате тепло и ароматно, пахнет специями. Стёкла запотели.

Ира всё делает порывисто, рвано, сдёргивает крышку, обжигается, кидает крышку, хватает полотенце, включает кран; на лице сосредоточенно серьёзное выражение.

– Сядь, – беру её за плечи, усаживаю за стол. – Сядь и помолись.

– Что?!

– Бабушка всегда отче наш читала, громко и с выражением.

Ира не вынимая обожжённый палец изо рта, вскидывает удивлённый взгляд и очень серьёзно отвечает:

– А я его не помню.

Вот так и живём.

Три недели мы ждём.

Сначала мастера, красивого, молодого человека, который три часа устанавливает коробку, сверлит, молчит, выбегает на лестницу курить, грызёт спички. Ира бегает вокруг, суетится, пытается то помочь, то напоить чаем. Улыбается, но он не видит, совсем, словно слепой, все насквозь, так и уходит, даже не улыбнувшись ей в ответ ни разу.

Потом душевую и двух сантехников, немолодых, весёлых дядечек, с усами, они открыты, как окна, и разговорчивы, как иллюстрация старых советских фильмов. Мы болтаем о погоде, о кино, музыке (кто бы мог подумать!), пьём чай с вафельным, как полотенце, тортиком, но всем хорошо. Когда Олег и Миша уходят, уже почти восемь вечера, и мы сердечно желаем им всего хорошего, что значит, в целости добраться до дома.

Ира в прекрасном настроении, что-то напевает, танцует, убирает чашки и впервые за несколько дней не бежит на ночь глядя в одних тапочках проверять почту.

Это делаю я, когда она уже засыпает.

Спускаюсь, закуриваю, лезу в ящик без номера, но там пусто.

Курю одну за одной, потряхивает от холода, но продолжаю стоять и смотреть, то на пустой ящик, то на свои цветастые тапочки. Сейчас как никогда хочется, чтоб кто-то сказал, что всё будет хорошо, что всё получится, но даже солгать неко-

му.

Может Фёдору позвонить? Как там наш загорелый, беззаботный мальчик, всё так же натянуто верит в светлое будущее?

Ещё три дня мы ждём горячую воду, которую вдруг отключили в связи с заменой труб. Осень, птицы на юг, трубы в утиль, первые заморозки кусают рабочих за пальцы, по утрам горы вырытой земли просыпаются в снегу. В окно смотреть тошно.

Ира берёт отпуск. Энергично носится по квартире, натирая всё до блеска, покупает ненужные вещи, ставит на полки голубых слонов, стеклянных уток, в прихожей гармония и дзен, в белых рамках рассвет, закат и океан, запретить нет сил, утешить тоже. Выгнать на работу и обречь на мёртвый, сиреневый свет больничных коридоров не позволяет совесть. Иногда гуляем, но если Ира хотя бы пять минут не занята чем-то жизненно важным, она начинает плакать, и потому я усиленно навожу в квартире бардак, а она его убирает, и тем самым мы поддерживаем баланс нашего общего бессилия.

—Кристи, – Ира редко называет меня по имени, я даже вздрагиваю от неожиданности. – Обними меня.

Я обнимаю, она утыкается лбом мне в плечо.

Мы стоим на остановке в ожидании автобуса и надеем-

ся, что это последнее, чего нам придётся ждать. Позвонили утром из лаборатории, попросили приехать, привычно ничего не объясняя. Ира, боясь сглазить, молчала как рыба. Я не спрашивала. Если аномалия есть, то лучше узнать об этом сейчас. Письма мы так и не получили, почту на углу закрыли, судя по всему навсегда.

День холодный, солнечный, жёлтый–жёлтый, в автобусе тихо и просторно, мужчина улыбаётся сам себе, мальчик в наушниках, кондуктор мирно спит, не беспокоя входящих, мы как вошли, так и сидим в обнимку, Ира спряталась у меня на груди, и неровно всхлипывает. Не могу думать, боюсь дышать, всё меркнет перед этим ослепительным жёлтым цветом. Закрываю глаза. Мы выходим, не доехав одной остановки. Иру укачивает, не хватает воздуха. Идём по проспекту, низкий город, низкое небо, машин много, но сегодня необыкновенно тихо, мне кажется, я слышу, как тикают часы на Ирином запястье.

Мы останавливаемся на светофоре, и тут что-то меня дёргает, на углу, в нескольких шагах, бабушка с цветами, в руках у неё, как чудо, красные с жёлтым тюльпаны.

– Подожди минутку, – говорю и разжимаю руку. Ира тут же прячет ладонь в карман.

Подбегаю к бабушке.

– Доброе утро!

Старушка в немом крике вскидывает руки, закрывает лицо, тюльпаны падают на асфальт, за спиной визжат тормоза.

Я оглядываюсь. Там, на той стороне улицы, вдребезги разлетается фонарь, белая трещина молнией пронзает столб до самого основания, разделив его точно на две половины. Стоящая под ним женщина вмиг белеет и падает, рядом с ней стоит и кричит ребёнок.

– Мама!

Асфальт под ногами мальчика цветёт белыми лилиями.

И тут я вижу, как Ира бросается через дорогу, мимо машин, те застыли, словно врезавшись в стену, металл, мятый как бумага. Ира хватается мальчика на руку и вырывает из цветущих лап аномалии. Ребенок плачет, Ира берёт его на руки и переносит на другую сторону улицы. Его мама так и лежит белой куклой на болотистом тротуаре. Асфальт превратился в сплошной зелёный ковер, машины утопают в трясине, из недр раздробленного фонаря прорезается бутон ярко-оранжевого цветка, огромные лопухие листья свисают до земли. Люди с криками разбегаются в разные стороны. Где-то совсем рядом уже орёт сирена, гудят лопасти вертолётов. Припорошённая белым инеем по ту сторону улицы стоит Ира, с ребёнком на руках, дорога между нами превратилась в зелёный ковёр. Гул нарастает, с неба падают столбы яркого света, прожектора скользят по занавешенным окнам, красный кирпич буйно цветёт лилиями.

Больница, потёртые ромбики линолеума, окна круглые,

как шлюзы на кораблях, моя боль поднимает голову. Белые двери хлопают, яркий, как вспышка, щелчок и ты в ловушке, в ловушке белого света, от которого никуда не деться. Ты отрезан от жизни, отрезан от будущего, словно островок посреди большого тихого ничего. Остаётся иллюзия, поверни ручку и выйди, пройди до конца коридора и беги вниз по лестнице, за тяжёлой металлической дверью живёт небо. Небо, сквозь которое мы уже не полетим.

Небо есть, а нас нет.

И её нет.

Из кабинета выходит врач. Никаких халатов – защитный костюм, он весь стерильный до отвращения, лицо гладко выбрито, волосы под шапочкой, перчатки. Он дышит со мной одним воздухом, значит, буду жить. Стопка бумаги в его руках – мой билет под серое, низкое небо. Из окна видно стеклянную крышу остановки, которая мокнет под дождём.

По дороге домой покупаю яблоки, зелёные, как любит Ира, хлеба и молока. Пока автобус трясётся на выбоинах дороги, все представляю, как она обрадуется. Она так искренне всему радуется – вот дверь поставили, праздник, повод испечь торт; зеркало поменяли, купим новую шторку в ванную? Стены теперь красивые, серый бетон спрятался под кафельную плитку. Один из самых тяжёлых дней мы провели на окраине города, в огромном супермаркете, среди красивых интерьеров, шторы цвета синего, летнего неба и яркий,

как трава, зелёный ковёр. Приду домой, сниму кроссовки и буду долго ходить босиком.

Автобус стоит на кольце, я сижу. Водитель поглядывает на меня через окошко, но не гонит. Курит. Жестом предлагает сигарету. Мысленно я соглашаюсь, встаю, беру пакет, выхожу к нему, но когда он протягивает мне пачку, прячу руки в карманы и качаю головой: не курю. Надо держать обещания, так ведь? Он пожимает плечами, бросает окурок и достаёт новую сигарету. У него нет ко мне вопросов. Ему лет сорок на вид, на пальцах татуировки, и как полоска света – тонкое золотое кольцо, рукав куртки рваный, штаны блестят на заднице, топорщатся три волосины на затылке и огромное родимое пятно на шее растекается как Байкал.

– В аварию попал, – говорит и голову чуть вправо поворачивает. —Никогда не поверишь, чем меня так! Крапивой! Машину в заросли унесло, а она, зараза, как начнёт расти! Врачи сказали, кровь зелёная была, но сам не видел.

Я молчу, а он головой качает и продолжает:

– Ты долго тут, ну, кататься-то со мной собираешься? А то если тебе податься некуда, могу к нам с Нинкой на щи зазвать, она тётка понимающая, мы с ней хорошо живём, она первого мужа похоронила, я – жену, мы были соседи по площадке, подумали и стали жить. Хорошо живём. Квартира моя пустая стоит, как я к Нинке перебрался, у неё по-женски, по-уютному, так вот...это... спать есть где. Меня, кстати Миша зовут, Евсеев Михаил Юрьевич. Слесарь я, ну был,

когда-то. Точно курить не хочешь? Последняя осталась.

– Спасибо тебе, Миша, – беру сигарету и кладу в карман. –
Пойду я, пора мне. Ждут.

Делаю два шага, возвращаюсь и ставлю рядом с ним пакет.

– Там яблоки. Жене твоей. Зелёные.

А темнота уже стекает по стеклу автобуса, горящее здание и яркие, огромные неоновые буквы вдалеке, от окна к окну плавают киты. Там, на последнем этаже смотровая площадка и ресторан, там, где горит свет, комендантский час недействителен.

Голос в голове настойчиво повторяет:

– Представь, что ты спишь, а вокруг – сон. А то, что вода голубая, так это скорее для красоты. Лампочку, мигающую, видишь? Смотри на неё, она на луну похожа, скажи?

Раз, два, три...

– И снова здравствуйте! Мы здесь, вместе с вами на 00 ФМ и это «Письма из Апокалипсиса». У нас для вас новый гость и его история. Представьтесь, пожалуйста!

– Здравствуйте, меня зовут...